

Юлия Говорова

Лось на диване, верветка на печи

Записки из жизни небольшого зоопарка
в Пушкинских Горах

Художник Ирина Маковеева

МОСКВА 2020

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-4
Г57

Художественное оформление
Валерий Калныньш

Говорова, Ю. Г.

Г57 Лось на диване, верветка на печи. Записки из жизни небольшого зоопарка в Пушкинских Горах / Юлия Геннадьевна Говорова. — М. : Время, 2020. — 208 с. : ил. — (Время — юность!).

ISBN 978-5-9691-1905-5

Юлия Говорова — писатель редкого, по нашим временам, уникального дарования. Москвичка, выпускница журфака МГУ, она уехала из Москвы в Пушкинские Горы и устроилась на работу в зоопарк, где спасают животных, попавших в переplet. Все они стали героями ее рассказов — смешных, лирических, глубоких; и Джеральд Даррелл вспоминается тут, и Джеймс Хэрриот, и Фарли Моуэт. А мы, поглядев на мир глазами Юли Говоровой, не только станем талантливей и добрее, но — «журавлиный клин прокричит наше имя в небе, и деревья прошумят наше имя на ветру» (*Марина Москвина*).

Рисунки к книге сделала заслуженный художник России, лауреат Международной литературной премии им. В. В. Бианки за 2019 г. Ирина Маковеева.

ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN: 978-5-9691-1905-5

© Говорова Ю. Г., 2020
© Крупская Д. В., вступительная статья, 2020
© Маковеева И. П., иллюстрации, 2020
© «Время», 2020

Дина Крупская: «Сердце увеличенной емкости»

Мне посчастливилось стать свидетелем того, как эта книга Юлии Говоровой создавалась. Она возникала по кусочкам, сшивалась по лоскуткам-заметкам прямо у меня на глазах. Она была живая, летучая, как ворох перьев, я читала ее в разных вариантах много раз, она переливалась через край от избытка впечатлений, за ней было не уследить! Третий раз читаешь, пятый — и все по-разному, и опять прекрасно! Возникали новые персонажи, показывались из-за поворота новые заброшенные деревеньки, все новые зверималыши попадали в дом-зоопарк и в сердце автора. Эта книга неуловима, подвижна, как само течение жизни. Она не стоит на месте, не ждет читателя, она живет и меняется, нечего и пытаться остановить ее, приколоть, как бабочку булавкой, чтобы подождала, застыла, перестала трепыхаться. Она подвижная, как детеныш обезьяны. Как сурикат. Как пятипалые ручки енота Барабанова, что не могут бездействовать ни секунды.

Пока читаешь, то прослезишься не пойми отчего, то расхохочешься, то аж взвизгнешь: ох как подметила Юлька, ну дает! Эта книга пронизана такой безграничной, непривычной, неприкрытой нежностью, что остается только удивляться и восхищаться. И беспокоиться за писателя, способного так любить мир.

А Юля в ответ на мои восторги пишет:

«Нам всем немножечко еще далеко до сурикатов. Как Рита обнимает своего любимого Суру, как Сурик, будучи старше всего на месяц, покровительственно и заботливо относится к Рите. Они спят у меня ночью в кошачьей переноске, и я каждый вечер открываю крышку, подглядываю, как лежат они, обнявшись. Днем носятся друг за другом, колобродят, все съедобное делят со скандалом, но при этом вот вам пример удивительной нежности друг к другу».

Наконец Юля все дописала, я доредактировала, текст отослала художнику. И тут бац! От Юли письмо. Ну как я могу не поделиться с вами такими строками?!

«У нас теплые дни, но иногда, правда, ветреные. Сегодня был безветренный день, и мы с Вероникой далеко ушли после суеты с животными. Сосновые леса переходили в ольховые, березовые, мхи устилали поляны, стеной стоял отцветший и поэтому белесый на верхушках кипрей. Песок под ногами на проселочной дороге струился. Такой чистый песок, как из песочных часов. И мы ходили по нему. Шли, шли, шли. Лосиные мухи иногда на нас садились. Неприятно, конечно, но не страшно. Вдруг, пройдя лесной поворот, услышали drobный стук копыт (в такой глуши!), а у лосей сейчас как раз время гона. У меня сердце подпрыгнуло, ну, думаю, лось! Полундра! Прячься кто может! Лось страшен во время гона! А показалась дорожная кибитка.

Сергей Воскресенский, поэт и отшельник, ты же помнишь его, ехал на Сороть, в верховье Сороти, мыть корни калгана, чтобы сдать их потом в заготконтору. Ехал на мерине, мерина зовут Мазурик (он нас, кстати, тоже испугался и чуть не съехал с коляской на обочину). Сергей рассказал, что недавно сломался у него радиоприемник и кошка сбежала, потерялась. А любила слушать радио. Они его слушали вместе. Кошку завораживали человеческие голоса (в лесной глуши!). Сергей включал приемник, пока он работал, выключал. А у кошки включать не получалось. «Образование у нее не такое», — объяснил Сергей.

Сергей умчался вперед мыть в реке калган, а мы пошли вслед за ним по дороге, но пешком. Дошли до полузаброшенной деревни. Потом вышли к реке, где я, хотя и прохладно, искупалась. Я никогда не купалась в таких верховьях Сороти. Место было мелкое-мелкое, где брод. Плынешь, и песочек видно речной (тоже будто из песочных часов), и все-все камешки. Дно прозрачное.

Вернулись мы по той же дороге, в какой-то момент нас Андрей на машине подобрал. Едем, и вдруг они увидели птиц: «Ястреб в небе! — кричит Вероника. — По крыльям это вижу!» — «Нет, пустельга! — ей отвечает Андрей. — Только пустельга, как и канюк, высматривая в поле мышей, так зависает в полете!» Такие у них споры.

А я все еще вспоминала о реке».

Может, зрение у Юли какое-то особо острое? Может, сердце увеличенной емкости? Вот вы понимаете, как надо смотреть на людей, на природу, на животных, чтобы увидеть все эти подробности, чтобы все вобрать, впитать, поселить внутри себя до самой мелочи, а потом написать, да как написать! Чуете, как словечко к словечку будто перекатываются друг за дружкой, поблескивают, как камешки в ручье, и речь журчит ручейком, шуршит ветерком. Это готовый рассказ. Еще одна красивая, законченная главка для книги. Пусть она будет в предисловии, хорошо?

Ну все, наслаждайтесь. Только не торопитесь, принимайте эту книгу как лекарство. Разбавляйте тишиной, смакуйте. Она необычная, эта книга. Она — другая.

P.S. Видите, я тоже не могу остановиться. Хочу сказать по секрету, что Юлино «прохладно» — это пятнадцать-шестнадцать градусов днем, а сейчас, ближе к ночи, на градуснике двенадцать. А она в речке купается, дно разглядывает. Говорю же, удивительная личность.

Ю л и я Г о в о р о в а: «Ирина Петровна оживила всех героев моей книги»

Для любой книги о животных, и тем более книги о зоопарке, очень важен художник, умеющий чувствовать и передать рукой (кисточкой, карандашом, пером) любое движение животного, от любопытного или беспокойного подергивания кончика хвоста у охотящейся рыси до наводстренных на ее макушке кисточек. Вы видели, как рыси антеннами наводстряют уши? А как они выпячивают губу, когда принохиваются?

Обо всем я могу вам, конечно, рассказать, но передать это воочию может лишь опытный художник. И он видит разницу между поднятыми от лю-

бопытства кисточками на голове у рыси и наостренными серьезно тоже на голове кисточками у сердитой мамы-филина, охраняющей своих птенцов-филинят в яме-гнезде.

И для меня огромная честь, что художником нашей книги, полноправным ее соавтором и соучастником стал такой мастер, как Ирина Петровна Маковеева. Наследник самой лучшей на свете советской школы художников-анималистов. Если вы не читали и не разглядывали в детстве книги, иллюстрированные Чарушиным, Ватагиным, то вы многое потеряли. Ирина Петровна оживила всех героев моей книги, у них заиграли вовсю мускулы (каждый мускул, а он спрятан на самом-то деле под шерстью, на рисунке эластично и чутко очень чувствуется). И птицы все сразу расправили гордо крылья и тряхнули оперением (и у Ирины Петровны каждое перышко передано, вы присмотритесь давайте серьезней к оперению). А кто-то из хищников даже зубы оскалил (присмотритесь!). И шерсть дыбом кое у кого, и по делу, тоже поднята. И как косуля очень нежно и осторожно шагает, Ирина Петровна вам передаст, и внезапный косулячий прыжок, с белым распахнутым «зеркальцем» на попе (а оно видно у прыгающей косули), не забудет она тоже.

Цените наших художников-анималистов и получайте наслаждение.

Не каждый может взять на память иголочку дикобраза из зоопарка (а иголки сами выпадают), но на рисунке вы, может, почувствуете даже ежину колючесть.

Ирина Петровна, спасибо огромное вам за каждое одухотворенное мною и вами животное.

Спасибо!

Глава

первая

А не мешает ли Гена,
или Солнечные ванны
для крокодила

Деревни, дороги, дороги, корзина лисичек и зоопарк

— Хорошо, что ты выбрала нас, а не Нифаки (есть тут неподалеку деревня с таким названием), — поддержал, похвалил меня Андрей, когда мы с ним только познакомились.

Я тогда переехала в деревню. Перевернула страницу городской жизни. Захотела полей и просторов, горизонтов (обязательно с кромкой такого заманчивого леса!).

И до дальнего леса добралась (расскажу обязательно потом), и вот недавно в деревне поселилась. Да и как я удачно поселилась! Я оказалась одновременно в деревне и в зоопарке. Живу сейчас в зоопарке. На территории небольшого зоопарка.

Зоопарки, как и многие люди, постепенно покидают города. Переселяются из городов на природу, уезжают.

И животные чувствуют почву под ногами. Всеми подушками лап. Всеми копытами, копытцами.

Если ветер, то они чувствуют ветер. Солнце — значит, солнце. Ночью видят звезды. А вы знаете, какие у нас звезды!

Зоопарк недалеко от райцентра. А райцентр — это когда очень долго едешь, и деревенские жители выставляют на обочины возле дороги ведра яблок (или корзины лисичек), пролетают вдоль петляющей на поворотах дороги деревни и поля.

И вот возле одного из поселков и за одним таким чудным поворотом живем мы. («У нас рядом Опочка, напиши, — попросил меня Андрей. — Год основания нашей славной Опочки 1412!»)

Зоопарк деревенский, потому что рядом деревни и сады. Мои друзья — основатели этого небольшого зоопарка, Андрей и Вероника.

Они ученые-орнитологи, а с такой профессией в городе и тем более дома не сидят.

Орнитолог — это профессия странника, это профессия человека наблюдательного. Андрей и Вероника намного раньше меня собрались, переехали в деревню.

Что-то там пролетело мгновенно, вжих-вжих-вжих, а что — я вообще не поняла, а Андрей определит, назовет. Любую птицу он слету узнает по полету. Рябчика, взметнувшегося из-под елок, из-под ног, воркующего лесного голубя-вахиря, чечетку.

Любую птицу Андрей в руки возьмет и на перья аккуратно подует, осмотрит оперение. Проверит, набит зоб у птицы или нет. И в каком состоянии киль. Почти у каждой птицы есть киль. И каждую птицу Андрей, пожелав ей семь футов под килем, осмотрев, отпустит.

Он наложит лангетку, если надо. И обработает птицу от пухоедов, если надо (пухоеды — это такие жучки, для человека неопасные).

Принесли нам недавно журавля, а нам часто приносят журавлей, и журавль оказался в пухоедах. Ну кто знает, что журавль может быть в пухоедах? Журавля мы, конечно, подлечили.

Журавль с неба в руках, синица в руках с неба. Нам многих птиц из природы приносили и приносят.

Андрей научил меня разнице между ополовником, или, как ласково он называет еще эту маленькую синичку, ополошкой, и крапивником.

Ополовник, крапивник очень маленькие, их непривычному и незоркому глазу не найти. А Андрей найдет!

Во время работы в далеких экспедициях они кольцевали с Вероникой когда-то (в научных целях!) птиц. Каждый день проверяли специально натянутые сети.

Перелетную птицу осмотрят, потом отпустят. Сколько раз Андрей с Вероникой отпускали в небо птиц!

На орнитологических станциях, построенных на путях миграции птиц, до сих пор самая востребованная и самая важная профессия — обходчик этих ловчих сетей. Каждый день ходишь, птиц в небо возвращаешь.

В зоопарке Андрей штопает прохудившиеся вольерные сетки. Он приносит стремянку и забирается по ней почти в небо. У фазаньих и у павлиньих вольеров купола сеток натянуты очень высоко. Андрей штопает сетки челноком, челнок для штопки сеток в вольерах еще называется «игличка».

Андрей главный у нас по зоопарку, всё у нас на нем. Он составляет на каждый день себе планы по работе и галочкой отмечает то, что уже сделано.

Хорошо, если галочек в его плане наберется хотя бы половина. Ведь столько дел еще намечено у нас по зоопарку, столько важных дел!

И я пометила внутри себя тоже некоей галочкой, что живу и работаю в зоопарке.

Вероника с Андреем навсегда изменили мою жизнь. Только птиц по полету распознавать я до сих пор не научилась.

Любопытные головы из-за забора и переплетающиеся шеи

С чего начинался наш деревенский зоопарк? Одними из первых у нас появились страусята.

Оперение не разделилось у них тогда еще строго на мальчиков и девочек. Оно было смешанное, пестрое.

Страусята гуляли во дворе, росли и очень быстро стали уже видны из-за забора.

Они высовывали свои любопытные головы из-за забора, и их длинные и извивающиеся шеи переплетались. И замирали вопросительным знаком. Своими шеями они могли дотянуться до всего. Они выклевывали и общипывали все. Они дотягивались до веток березы и рябины.

Трава была у них под ногами — истоптали. Мы подсыпали в вольер им ПГС, песчано-гравийную смесь, чтобы не было луж, они клювами из песка камешки выклевывали.

На выходные к нам дачники стали подтягиваться понемногу из города посмотреть на страусов.

И постепенно под хлопанье длинных страусиных ресниц дорожки в нашем деревенском саду становились дорожками зоопарка, колодец-

журавль — зоопарковским нашим «журавлем». Зоопарковским стало небо над нами, огороды.

Дом стал обрастать неожиданно зоопарком, и расходились дорожки от нашего дома в один вольер, другой.

Дроздиные гнезда на балках

Вокруг нас есть деревни жилые и нежилые. В нежилые часто заглядывают звери или птицы, по деревенским дорожкам гуляют.

Заброшенные деревенские улицы в следах. Следы зверей у калиток, у дверей.

Тропы летом протоптаны в траве. Трава исхожена узенько-узенько, примята.

Видны лосиные или косульи лежки возле дома. Вокруг деревьев по саду набитые тропы кабанов.

Трава стоит выше окон, ивовый кустарник непролазный. Верхушки на кипрее объедены (лосями). Жирные стебли лопухов, когда на них наступаешь, звонко, с хрустом лопаются.

Мы заходили однажды в пустую деревню Распрягаево, в одной из комнат, ну в дачном доме конечно, нашли преогромный книжный шкаф. Огромный письменный стол, хоть сейчас садись, пиши. Птицы навили там гнезд на книжных полках.

Совы часто селятся на чердаках. Дроздиные гнезда мы находили на прогнивших балках. Дом зарос весь одичавшей красной смородиной, и висит среди веточек гнездо.

Стены деревенских домов, а не дачных, оклеены пожелтевшими газетами. Ходишь и смотришь на даты, заголовки. На новогодние от-

крытки в комод. На афиши из деревенского клуба. Когда попадаешь в такие дома, забываешь время.

Валяются в комнатах документы ударников труда и старые, с чуть расплывшимися чернильными записями рабочие книжки трактористов.

Дороги зовут и ведут тебя куда-то. Прямо чувствуешь, как от этого дорожного знака — покосившегося, название деревни написано краской от руки, и краска вся поистерлась, послезала, — исходит надежда, что ты сюда сейчас забредешь и повернешь.

Видны еще очертания узких старых улиц, не все еще лавки заросли, «присады» — как по-зоопарковскому их Андрей называет. Например, в старой, где палисаднички в синих незабудках, деревеньке Каруза. Почему и зачем эта Каруза? Неужели так пели соловьи? И у нас, кстати, несколько деревень с таким названием.

Рукомойник в той Карузе, в которой мы побывали, проволокой был привязан к ближайшей к дому яблоне.

Возле одного из домов на пенечке самовар. Кругом везде половодье разнотравья. Аллеи огромнейших елей сохранились, аллеи старых лип.

Маленькая речка течет, и она тоже Карузка, рядом речка Исса. И разъедающие дорогу ручьи переложены когда-то наспех давно кем-то набросанными бревнами.

Ручьи незамутненные, с танцующими и неунывающими водорослями. С желтым опознавательным знаком «пить можно!» из калужниц.

Отталкиваясь веслом потихонечку от дна

Вокруг нас вообще очень много мелких быстрых речек. Из-за течения они обычно зимой не замерзают. Дно песчаное у них или каменистое. Вода в реке блестит.

Весной эти мелкие речки разливаются и наполняют водой свои старые русла и каналы. И проселочные дороги подтапливает.

Иногда возле какой-нибудь деревни воды по пояс, и подтопленный участок переплываешь тогда уже на лодке. Несколько лодок выделяется рыбаками для переправы.

Лодки деревянные, с пустыми консервными банками, чтобы вычерпывать воду (из лодки, а не из речек, конечно), весла с железными уключинами. Отталкиваешься веслом потихонечку от дна.

Лодки встречаются на дороге и расходятся. Дорога становится полноводной, и по ней пересекают плоскодонки, швартуясь веревками у калитки забора, у крыльца.

Ивы стоят опушенные пылью. По воде от пылицы плывут желтые змеистые разводы.

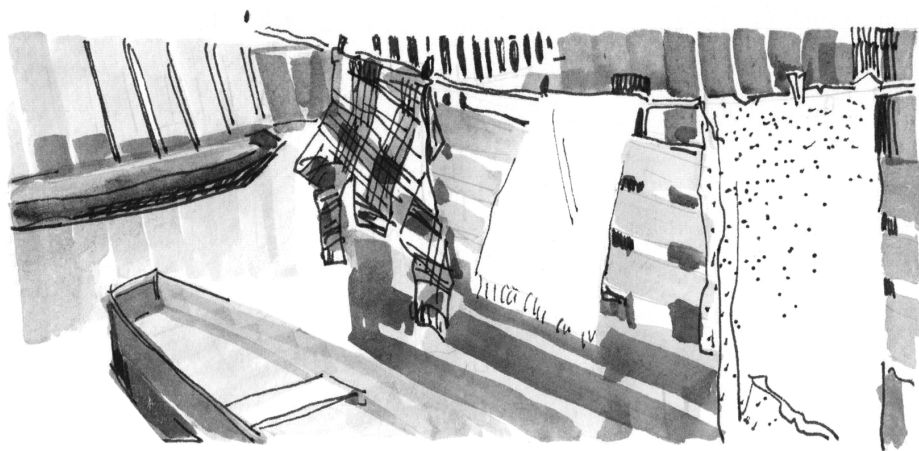
Когда разлив, у нас половина народа разувается и оставляет ботинки на пригорке. У нас много ботинок тогда соберется на пригорке (помимо лодок).

Ботинки со старыми шнурками. С выцветшими от солнца шнурками. Все разуются и гуляют блаженно по траве, колышущейся от весеннего разлива.

Босиком ходим, чтобы почувствовать — ведь мы же земляне! — свою почву. Сосновые переплетенные корни, колкость хвои, кольчугу раскрытых шишек. Разогретый на солнце песок и сухой мох. Мох потрескивает, когда на него наступаешь.

В полях летом широкий и длинный ковер из чабреца. Обязательно натираем ладони чабрецом (пятки натираются во время долгой ходьбы сами). Песок горячий, когда на него наступаешь.

И что мне нравится в доме, нашем зоопарковском и огромном доме (а наш дом расположен непосредственно на территории зоопарка),

это что в нем нет лифта. И спуститься на землю ты можешь, не нажимая на кнопку. Распахнул просто двери, вот и все. Крыльцо нагрето с утра солнцем.

Спустился с крыльца и попал уже в зоопарк (ведь у нас зоопарк начинается с крыльца).

Одной ногой ты еще на ступеньке крыльца, а другой уже на тропинке зоопарка.

Гусаки в голенище сапога

Наша помощница Вера рассказала, как гуси весной в половодье когда-то сплавлялись по реке. По реке Шесть, между прочим (не Восемь и не Девять).

В половодье река разливалась и гуси уходили на воду (после надоевшего снега). И заплывали все глубже, глубже, глубже. Их подхватывало уже сильным весенним течением, уносило.

А вдоль реки Шесть было много деревень, и во всех этих деревнях рядом с вроде бы тихой и маленькой речкой жили свои гуси.

И в каждой деревне они уходили на воду. И из каждой деревни уносился подхваченный ожившей водою, кружась в весеннем бурном водовороте и вальсируя, отряд кричащих от восторга и весеннего упоения гусей.

Гуси сбивались на воде в стаи и отряды. Проносились мимо ивовых или ольховых кустов и деревень. Внизу на слиянии реки Шесть с рекой Великой гусей, промчавшихся по реке на бешеной скорости, ловили. Гусыни держались гусака. Их вынимали из воды и грузили в полуторки, мешки. Развозили и возвращали по деревням.

«Эй, Синичино, — закричат из машины, — вот здесь ваши гуси, встречайте, выпускаем! Кишкино, ваши гуси, выпускаем! Саутки, здесь ваши гусыни и гусак!»

Некоторые крупные гуси в набитый мешок не помещались, и их могли запихнуть в большой рыбацкий сапог. Из голенища торчали оранжевые гусиные пятки с перепонками. Гуся вытряхивали из сапога и возвращали в родную деревню.

И такие спонтанные заплывы гуси совершали по реке Шесть каждую весну.

Старый-старый мельничный жернов под водой

А недавно мы на старую мельницу попали. Водяную. От нее осталась сейчас только одна небольшая запруда и плотина, выложенная гладкими камнями.

Камни и валуны в реке покрыты слоем зеленых склизких водорослей. А камни над водой нагрелись.

На одном из огромных валунов присохла выдряная какашка (живут выдры!).

На дне реки виден старый мельничный жернов. Очень-очень старый. По камням можно речку перейти.

Лошадей в этой затаившейся у речки деревне было когда-то два десятка, они муку развозили на подводах.

Сама речка по пояс и течет вся как будто по траншее. Тихая и такая неприметная. Заросшая вся кустами и травой. А перекатывая через камни, бурлит.

Мы спустились к плотине, на камнях посидели.

Нож, воткнутый по деревянную ручку в землю среди крокусов

Выходишь на улицу с крыльца, и сразу лужайка у нас перед домом. Сад, а в нем груши и сливы.

В палисаднике с весны всегда обязательно цветы. И мы ждем всегда цветы. Цветы, ну и весну.

Отсчитываем дни и минуты до весны: когда солнце село сегодня, когда завтра.

И день постепенно длиннее и длиннее, и солнце светит дольше, оттаяли наши садовые дорожки, и так мы соскучились по нашей земле после зимы.

Цветы оживут, и мы обязательно посвящаем какое-то время любованию.

Пробегаешь мимо по саду, посмотрел. Прошел мимо с ведром воды, к цветам опять вернулся.

Наш дом, расположенный на границе с зоопарком, заросший летом пионами и розами. То пионами, то рудбекиями, то розами. И лилейниками. И вот-вот сейчас флоксы зацветут.

Зимой возвышаются только тростинки от цветов (но с цепочкой синичкиных следов!).

Весною после метелей и сугробов, нанесенных за зиму лопатами (снег чистишь и наметаешь вершины из снегов), земля наконец-то оттает и пробьются пролески, гиацинты.

Спросишь Веронику: «А что у нас в том углу сейчас цветет?» — и она перечислит все названия. А не вспомнит — посмотрит потом определитель. Как этот цветочек зовется, да еще и вдобавок на латыни.

